

Рыбакова О.Б.

РЕЛИГИОЗНЫЙ АСПЕКТ ЛЕГИТИМАЦИИ

Аннотация: Статья посвящена исследованию концепта легитимации власти с точки зрения внутренней приверженности существующему порядку. Для объяснения и оправдания элементов институциональной традиции П. Бергер и Т. Лукман предлагают рассматривать легитимацию с точки зрения ее когнитивной и нормативной составляющих, что указывает, на наш взгляд, на пересечение с базовыми функциями религии (когнитивная и регулятивная), а следовательно на непреходящую связанность и зависимость легитимации от отношений к высшей реальности (Т. Парсонс). На основе классического исследования Э. Бенвениста социальных терминов анализируются семантические значения понятий "власть", "авторитет", "доверие", "преданность", имплицитно присутствующих легитимации. В результате предлагается вывод, что все исследованные социальные термины, которые входят в содержание легитимации, в своих коренных значениях лежат в области религиозных понятий, связаны с религиозным сознанием и религиозными отношениями не столько горизонтальной направленности (между людьми), сколько вертикальной (связь с божеством), что подтверждает упомянутый выше тезис Т. Парсонса. Однако, если религиозная окраска легитимации теократических и монархических режимов в целом не вызывает сомнения, то демократические процессы, происходящие в условиях секуляризации общества, ставят перед исследователями вызов о более глубоком исследовании мотивационной составляющей концепта легитимации.

Review: The article is devoted to the concept of legitimation of power from the point of view of personal commitment to the existing regime. To explain and justify the elements of the institutional tradition, Peter Berger and Thomas Luckmann offer to view legitimation in terms of its cognitive and regulatory components which, as the author of the article states, points out that legitimation also deals with the basic (cognitive and regulatory) functions of religion and therefore directly relates to and depends on the 'superior reality' (Talcott Parsons). Based on the classical research of social terms carried out by Emile Benveniste, the author of the article analyzes the semantic meaning of the terms 'power', 'authority', 'trust' and 'commitment' in terms of their relation to legitimation. At the end of the article the author concludes that all social terms that have been studied by sociologists and comprise the process of legitimation have roots in religion and relate to religious perception of the world as well as religious vertical relations (between people and God) even more than horizontal religious relations (between people themselves). This proves the above mentioned thesis made by Talcott Parsons. However, while the religious nature of legitimation of theocratic and monarchical regimes seems quite obvious, democratic processes happening under the conditions of social secularism challenge the researchers to conduct a more depth-in research of the motivational aspect of legitimation.

Ключевые слова: легитимация, признание, власть, авторитет, доверие, личная преданность, мотивация, когнитивный аспект легитимации, нормативный аспект легитимации, религиозные отношения

Keywords: legitimation, confession, power, authority, trust, personal commitment, motivation, cognitive aspect of legitimation, regulatory aspect of legitimation, religious aspect of legitimation.

При довольно активной за последние полтора века и часто неоднократной смене политических режимов практически во всех регионах мира термин *легитимация* стал играть довольно важную роль в современном политическом дискурсе, поскольку «основа этого явления состоит в том, что в условиях только организующейся новой политической системы в стране, при несо-

ответствии старых законов существующим и возникающим реалиям актуальность приобретает не столько вопрос формирования властных структур на законных основаниях, сколько проблема признания власти обществом»¹. К. Завершинский отме-

¹ Шестакова, Л.Л. Легитимный – не только законный? (К новейшей истории одного политического слова) // Интернет

чает, что в отечественном политическом дискурсе «термин «легитимность» в смысле «общественной признанности» начинает использоваться ... в связи с политическим кризисом 1993 г. ... как синоним легального, законного, юридического»².

Наиболее широким признанием пользуется введенная Максом Вебером типология легитимности. Понятие легитимности у Вебера фиксирует наличие представлений о «значимости» социального порядка и проявляется в признании власти подчиненными, их добровольном согласии повиноваться ее приказам. Такой порядок есть нечто большее, чем регулярность и последовательность действий. Социальный порядок легитимен, когда участники отношений ориентируются на некие образцы поведения, которые считают обязательными, «значимыми» для себя. Следовательно, легитимность власти может быть гарантирована либо внутренней, либо внешней приверженностью существующему порядку. В основании такой классификации лежит веберовское учение о четырех идеальных типах действия: целерационального, ценностно-рационального, аффективного и традиционного (по степени сложности и осмысленности внутренней мотивации). В соответствии с этими методологическими установками Вебер обозначил три типичных способа достижения добровольного подчинения власти:

- легальный, предполагающий убежденность в разумности и эффективности права;
- харизматический, основанный на доверии к политическому лидеру;
- традиционный, когда оно обеспечивается поддержанием веры в святость традиций³.

Однако необходимо отметить, что здесь описаны идеальные типы, которые не существуют в «чистом виде». Конкретные политические системы представляют переплетение этих трех типов при определенном преобладании одного из них. Но в рамках данной работы нас больше интересуют не формы, в которых выражается это господство,

не способы достижения подчинения власти, а сам процесс легитимации.

П.Бергер и Т.Лукман полагают, что сугубо аналитически можно выделить четыре уровня легитимации, которые на практике зачастую пересекаются:

1. первый уровень – дотеоретический, являющийся как основой самоочевидного знания, так и необходимым для всех теорий, которые будут в дальнейшем включены в традицию. Эти знания представляют собой «то, что каждый знает» о социальном мире, некоторый массив знания рецептов, необходимого для поддержания соответствующих правил поведения и передаваемого по наследству, составляющего мотивационную динамику институционализованного поведения⁴;
2. второму уровню соответствуют теоретические утверждения в зачаточной форме, например, пословицы, моральные максимы, народная мудрость, сказки, легенды, часто передаваемые в поэтической форме, которые «весьма прагматичны, непосредственно связаны с конкретными действиями»;
3. третий уровень – это явные теории, способствующие легитимации институтов «в терминах дифференцированной системы знания» и предусматривающие уже хорошо понятные системы отсчета в структурированном институциональном порядке социуме;
4. и, наконец, четвертый уровень, состоящий из символических универсумов, представляющих собой целые системы теоретической традиции и связанных с самым всесторонним уровнем легитимации, выходящим за пределы практического применения. На этом уровне все секторы институционального порядка интегрированы во всеобъемлющую систему отсчета⁵.

Также, анализируя феномен легитимации, Бергер и Лукман обращают внимание на то, что на первой стадии институционализации она необязательна, поскольку институт «самоочевиден для всех имеющих к нему отношение», но в дальнейшем, когда «единство истории и биографии прерывается», а «объективации (теперь исторические) институционального порядка нужно передавать новому

ресурс. Режим доступа <http://www.gramma.ru/RUS/?id=14.68>
Дата доступа: 06.07.2011

² Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // ПОЛИС (Политические исследования). – 2001. – № 2. – С.113

³ Вебер М. Основные социологические понятия. / Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. С.636-643; 646-647.

⁴ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М., 1995. С. 108-109

⁵ Там же. С.153-156

поколению», возникает необходимость ««объяснения» и оправдания бросающихся в глаза элементов институциональной традиции». И далее они констатируют, что «легитимация и есть этот самый процесс «объяснения» и оправдания». Причем, с объяснением связан когнитивный аспект легитимации, а с оправданием – нормативный, таким образом легитимация включает в себя не только вопрос «ценностей», но и «знания». «Легитимация говорит индивиду не только почему он *должен* совершать то или иное действие, но и то, почему вещи *являются* такими, каковы они есть. Иначе говоря, «знание» предшествует “ценностям” в легитимации институтов»⁶. Здесь мы обнаруживаем пересечение с базовыми функциями религии (когнитивная и регулятивная)⁷, однако заметим, что любой социальный институт включает в себя эти аспекты⁸.

Пересечение, на наш взгляд, не случайно, поскольку и Т. Парсонс⁹ указывает на непреходящую связанность и зависимость легитимации от отношений к высшей реальности, поэтому, с его точки зрения, способ легитимации коренится в религиозных ориентациях и всегда, в некотором смысле, носит религиозный характер. Последний тезис рассмотрим чуть ниже, предварительно сделав существенное замечание о том, что многие исследователи рассматривают в качестве исходной, зародышевой формы публичной легитимации авторитет и наделение им, а также доверие (*credulitas*, *trust*)¹⁰. К. Завершинский замечает, что «авторитет по своей природе является особым свойством, характеристикой властвующего лица или центров власти»¹¹. Для анализа семантических значений

понятий власть, авторитет, доверие, имплицитно присущим легитимации, есть необходимость обратиться к исследованию данных социальных терминов Э. Бенвенистом¹².

В его классической работе целый раздел посвящен анализу терминов, обозначающих власть, благодаря которому можно сделать немало выводов о ее природе, основных свойствах и качествах. Мы же остановимся только на понятии *kratoz*, имеющем принципиальное значение для нашего исследования. Рассматривая обстоятельства, в которых проявляется *kratoz*, Бенвенист отмечает, что «оно повсюду обозначает превосходство, утверждаемое силой, над соратниками или над противниками». Однако, он тут же оговаривает «еще одно условие, на этот раз основное, – доброе отношение богов, что показывает в *kratoz* соотношение сил, способных к изменению». Иными словами, *kratoz* проявляется как временное качество, дарованное богами, и о его наличии можно судить ретроспективно по результату, по одержанной победе. Но, очевидно, что *kratoz* всегда обозначает качество героев, храбрецов или вождей, и несет в себе оттенок похвалы. Возводя этимологию слова к ведийскому *kratu-* и авестийскому *xratu-*, Бенвенист обнаруживает, что «это существительное обозначает умственную и духовную способность, «мощь» разума, горение духа и воодушевление воина, поэта, молящегося», и участвует в образовании слов «со значением физического или морального «превосходства», «преимущества» в бою или на собрании, ... терминов, относящихся к политике и морали, выражающих «власть» как индивидуальную способность (тот, кто владеет или не владеет собой) или же «власть» как политическую или территориальную силу»¹³.

Что касается термина «авторитет», то здесь Бенвенист указывает, что в случае власти *auctoritas* речь идет о силе, божественной в своей основе и связанной с исконным значением слова *augeo* «производить, приумножать», но также отмечает частое употребление *auctor* в значении «основатель, творец» и *auctorites* в значении «суждение, мнение». Таким образом, соответствующая лексика относится одновременно и к политической и к религиозной сферам и распадается на несколько подгрупп,

⁶ Там же. С.152-153.

⁷ Рыбакова О. Роль ортодоксии и гетеродоксии в процессе легитимации социального порядка. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. С. 29.

⁸ Макаренко В.П. Ортодоксальный консенсус или поисковая критика: на пути к теории потерянного рая. // Политическая концептология № 1, 2010. С.4

⁹ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения/ Американская социологическая мысль. – М., 1996. С. 494-526 (Электронный вариант <http://socioline.ru/node/735>)

¹⁰ Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: 1997. Стр.168

¹¹ Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // ПОЛИС (Политические исследования), 2001, № 2. С.114.

¹² Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. – М.: Прогресс-Универс, 1995

¹³ Там же. С.287-291

а «абстрактное имя *auctorites* обретает всю полноту своего содержания: это акт творения, или качество, предустановленное верховным магистратом, или достоверность какого-то свидетельства, или действенность какой-либо инициативы и т.п., но всякий раз во взаимодействии с семантическими функциями слова *auctor*»¹⁴.

Но как выше было указано, легитимация предполагает не только авторитет и наделение им, но и особый («доверительный») характер властных отношений. Рассматривая латинский термин *credo* и его производные, Бенвенист замечает, что «уже в самом начале языковой традиции понятие «доверие» расширяется до понятия «вера»». На основе работ своих предшественников по исследованию он выстраивает такую цепочку смыслов: существительное **kred* рассматривается как особое слово со значением «магическая сила», а глагол **kred-dhe* означает «вложить в кого-либо **kred* (откуда и происходит доверие)». Ведийские тексты обнаруживают последовательность развития смысла от «доверия» до «щедрого дара» (во время жертвоприношения). Бенвенист пишет: «богиня жертвоприношения именуется *Sraddha*. Затем, уже в контексте религиозных институтов, термин начинает обозначать «доверие» светского лица к брахману и его власти, которое находит свое проявление в щедрости жертвоприношений. Таким образом совершается переход от доверия к богам к богатству жертвоприношений». На основании этого перехода мы можем видеть, как нематериальные вещи («магическая сила») обретают совершенно материальное выражение: доверие («вложение») становится на определенном этапе довольно осязаемым.

Однако, если *sraddha* означает «верить, доверять кому-либо», необходимо понять, как же определяется эта вера. Этот глагол Бенвенист рассматривает как приставочный, т.е. такой, составные части которого могут быть разъединены: *srad-dha*, – и указывает на то, что «вера, обозначаемая этим глаголом, никогда не есть вера во что-то; это – личное отношение человека к Богу; это даже не отношение между людьми, а всегда только связь между человеком и Богом». Эта связь предполагает двусторонность отношений, т.е. акт веры всегда включает в себе уверенность в вознаграждении; доверие отдается в залог, но с последующим воз-

вратом. Таким образом, Бенвенист обнаруживает следующий «механизм» доверия: «доверить что-либо – значит передать другому без всякого риска для себя нечто, что является личной собственностью и обычно по той или иной причине никому не отдается; при этом человек уверен в том, что доверяемая вещь вернется к нему обратно. Независимо от того, идет ли речь о собственно религиозной вере или о доверии к человеку, отдаются ли в залог слова, обещания или деньги, механизм остается одним и тем же»¹⁵. К. Завершинский отмечает присущую этому сложному понятию семантическую «энергию», способную «сплавить» элементы политического, религиозного, магического и утилитарного, которая сыграла особую роль в становлении концепта легитимности¹⁶.

Необходимо, на наш взгляд, также рассмотреть отношения, которые устанавливаются между человеком, наделенным властью, и тем, кто ему подчиняется по своей воле, определяемые понятием «личная преданность». Главным выражением этого понятия выступает латинское слово *fides* и семья этимологически связанных с ним слов, которые охватывают сферу религии, морали, философии и даже юриспруденции. Показательно, что изначальный смысл этого слова, как и в случае с *credo*, исследователь связывает со значением «кредит доверия». Доверие в данном случае отчетливо предстает как нечто личностное, что передается в руки другого и чем этот другой может распоряжаться. Анализируя различные связи *fides*, а также обстоятельства, в которых они реализуются, Бенвенист замечает, что «рассматриваемое явление ... реализуется одновременно как протекция, оказываемая кому-либо, кто подчиняется власти, взамен покорности того, кто подчиняется». Но за пределами латинского языка слово приобретает новые коннотации, и его производное, например, в греческом, имеет значение «я поддаюсь на убеждение; я подчиняюсь», что позволяет Бенвенисту признать, что «значение «убеждение» является эквивалентным и даже развивается из значения «послушание»»¹⁷.

Немаловажным представляется его замечание, что именно в эпоху христианизации внерелигиоз-

¹⁴ Там же. С. 329-330

¹⁵ Там же. С. 124-128.

¹⁶ Завершинский К.Ф. Легитимность...С. 115.

¹⁷ Бенвенист Э. Словарь... С. 94

ное выражение *fides* обретает значение «религиозная вера», а *credo* «верить» – «исповедовать какую-либо *fides*, религию». Но в изначальных смыслах этих понятий не делается различий между правом и религией, поскольку все древнейшее право было лишь одной из областей, регулируемых практикой и правилами, пронизанными мистикой.

Из вышесказанного можно заключить следующее. Все исследованные социальные термины (власть, авторитет, доверие, преданность), которые входят в содержание легитимации, в своих коренных значениях лежат в области религиозных понятий, связаны с религиозным сознанием и религиозными отношениями не столько горизонтальной направленности (между людьми), сколько вертикальной (связь с божеством), подтверждая упомянутый выше тезис Т. Парсонса. Таким образом, возникают предпосылки для оформления мифологий, закрепляющих эту иерархичность, и их последующей канонизации.

Однако по мере эволюционирования сознания от мифологического к теологическому появляется необходимость в более высокой степени теоретической систематизации, ибо теологические понятия дальше отстоят от наивного уровня сознания. К. Завершинский отмечает, что «в мировосприятии сакральное «отодвигается» все дальше от «профанного»; оформляются культы «посредников» («живых» богов и «полубогов», героев и хранителей «тайного знания») и соответствующие социальные институты, «специализирующиеся» в области производства многообразных легитимационных практик¹⁸. В различных обществах существует разная дифференциация между общими структурами общества и его религиозной организацией, и, согласно Т. Парсонсу, усиление независимости между ними является одним из главных направлений эволюционного процесса. «В более развитых обществах взаимоотношения социальной и культурной систем в религиозных и легитимационных контекстах предполагают высокоспециальные и сложные структуры»¹⁹.

¹⁸ Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // ПОЛИС (Политические исследования), 2001, № 2. С.118

¹⁹ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения/ Американская социологическая мысль. – М., 1996. С. 494-526 (Электронный вариант <http://socioline.ru/node/735>)

Мы же добавим, что поскольку религия может легитимировать формы социальности, формы деятельности, формы познания, формы брака и т.д., пронизывая практически все сферы общественной жизни, именно функция легитимации является одной из основных функций религии. Е.А. Островская-мл. замечает, что в традиционных обществах «легитимация политической власти, интерпретация социально-экономической стратификации являются преимущественной областью компетенции религиозной подсистемы»²⁰.

Как указывалось выше, термин «легитимация» стал играть важную роль в современном политическом дискурсе в связи со сменой политических режимов или – позволим себе обобщить – в связи с все более широким распространением политических режимов демократического толка. Если религиозная окраска легитимации теократических и монархических режимов в целом не вызывает сомнения, то демократические процессы, происходящие в условиях секуляризации общества, ставят перед исследователями вызов о более глубоком исследовании мотивационной составляющей концепта легитимации.

Рассматривая эту проблему, Ю. Хабермас задается вопросом, «подлежит ли вообще политическая власть после полной позитивизации права секулярному, т.е. нерелигиозному, или постметафизическому, оправданию?». Он отмечает, что можно видеть в демократическом процессе «метод извлечения легитимности из легальности», где обоснование «относится к конституции, которую объединившиеся граждане дают сами себе». В этом случае «конституция либерального государства может самостоятельно удовлетворять потребность в собственной легитимации, то есть ей для этого достаточно когнитивных возможностей аргументации, не зависящей от религиозных и метафизических традиций». Однако, как показано выше, легитимация включает в себя как когнитивный, так и нормативный аспект, следовательно, только когнитивных ее возможностей недостаточно для достижения статуса легитимности. По мнению Ю. Хабермаса норма-

²⁰ Островская-мл. Е.А. Религиозная модель общества: Социологические аспекты институционализации традиционных религиозных идеологий. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. С.268

тивные предпосылки «требуют от граждан большей мотивации, к чему их нельзя принудить легальным путем»²¹. На наш взгляд, это заявление актуализировано оценкой современной культуры и свойственного ей состояния общественного сознания, которое характеризуется не только утратой чувства сакрального, но и расшатыванием устоев любой системы (нуждающейся в нормативности и смыслополагании), где не остается места абсолютам.

Приведем еще одну цитату упоминаемого философа: «несмотря на первоначальное отсутствие всяких богословских намерений, разум, осознав свои границы, переходит таким образом к иному: будь то в мистическом соединении с космическим всеохватным сознанием, или в отчаянной надежде на историческое событие несущей освобождение вести, или в форме неуспокоенной солидарности с униженными и оскорбленными, стремящейся к приближению мессианского счастья. Эти безымянные боги послегегелевской метафизики – всеохватное сознание, невообразимое событие, нераздельная общность – становятся легкой добычей богословия. Они словно так и просят, чтобы их расшифровали как псевдонимы трех ипостасей Бога, дарующего людям откровение о Себе Самом»²². Другими словами, когда когнитивные возможности исчерпаны, разум, в поисках оправдания существующего порядка и объяснения смысла этих поисков, все-таки выходит на метафизический уровень, где поиски эти могут увенчаться если не вновь обретенным чувством сакрального, то хотя бы приближением к абсолютному.

Библиография:

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
3. Вебер М. Основные социологические понятия. / Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

²¹ Там же. С. 42-51

²² Там же. С. 62-63

4. Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // ПОЛИС (Политические исследования). 2001. № 2.
5. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М.: 1997.
6. Макаренко В.П. Ортодоксальный консенсус или поисковая критика: на пути к теории потеряннного рая. // Журнал «Политическая концептология» № 1, 2010
7. Островская-мл. Е.А. Религиозная модель общества: Социологические аспекты институционализации традиционных религиозных идеологий. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005.
8. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения. / Американская социологическая мысль. М., 1996. (Электронный ресурс <http://socioline.ru/node/735>)
9. Рыбакова О. Роль ортодоксии и гетеродоксии в процессе легитимации социального порядка. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.
10. Хабермас Ю. Дополитические основы демократического правового государства? / Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М., 2006
11. Шестакова Л.Л. Легитимный – не только законный? (К новейшей истории одного политического слова) (Электронный ресурс <http://www.gramma.ru/RUS/?id=14.68>)

References (transliteration):

1. Benvenist E. Slovar' indoevropskikh sotsial'nykh terminov. M.: Progress-Univers, 1995
2. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya. M., 1995.
3. Veber M. Osnovnyye sotsiologicheskie ponyatiya. / Izbrannyye proizvedeniya. M.: Progress, 1990.
4. Zavershinskii K.F. Legitimnost': genezis, stanovlenie i razvitie kontseptya // POLIS (Politicheskie issledovaniya). 2001. № 2.
5. Il'in M.V. Slova i smysly. Opyt opisaniya klyuchevykh politicheskikh ponyatii. M.: 1997.
6. Makarenko V.P. Ortodoksal'nyi konsensus ili poiskovaya kritika: na puti k teorii poteryannogo raya. // Zhurnal «Politicheskaya kontseptologiya» № 1, 2010
7. Ostrovskaya-ml. E.A. Religioznaya model' obshchestva: Sotsiologicheskie aspekty institutsionalizatsii traditsionnykh religioznykh ideologii. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2005.

Политика и общество 1 (109) • 2014

8. Parsons T. Ponyatie obshchestva: komponenty i ikh vzaimootnosheniya. / Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'. M., 1996. (Elektronnyi resurs <http://socioline.ru/node/735>)
9. Rybakova O. Rol' ortodoksii i geterodoksii v protsesse legitimatsii sotsial'nogo poryadka. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.
10. Khabermas Yu. Dopoliticheskie osnovy demokraticheskogo pravovogo gosudarstva? / Dialektika sekulyarizatsii. O razume i religii. M., 2006
11. Shestakova L.L. Legitimnyi – ne tol'ko zakonnyi? (K noveishei istorii odnogo politicheskogo slova) (Elektronnyi resurs <http://www.gramma.ru/RUS/?id=14.68>)